

18+

Марина Скуратовская

МАРКЕТИНГ НА МАКСИМАЛКАХ

Абсурдная история под Питером

Марина Скуратовская

**Маркетинг на максималках.
Абсурдная история под Питером**

«Издательские решения»

Скуратовская М.

Маркетинг на максималках. Абсурдная история под Питером /
М. Скуратовская — «Издательские решения»,

Маркетинговый марафон в лесу оборачивается проверкой на прочность. Десять профи, алюминиевая машина и попытка развернуть реальность на 130 градусов. Пока пресса ищет скандалы, Марина и компания маркетологов находят опору в живом действии. Это книга о продажах, смыслах и абсурде, который объединяет своих. Впереди Петербург, где старые тайны и новые вызовы проверят команду на излом. Практика, драйв и абсолютная ясность в каждом слове.

Содержание

Юридический Clarity: Эмиль Васильев	12
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маркетинг на максималках Абсурдная история под Питером

Марина Скуратовская

© Марина Скуратовская, 2026

ISBN 978-5-0069-9927-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маркетинг на максималках
(Роман о PornConf 2026)

Действующие лица

Марина

Главная героиня, прилетевшая из Новосибирска с черным чемоданом ручной клади и катастрофическим недосыпом. Юрист по образованию, журналист по прошлому и эксперт по продажам в настоящем. Мать двоих детей, обладающая уникальной способностью разруливать мировые катастрофы, пока остальные только осознают их масштаб. В сумке носит раскраску-антистресс, которую мечтает открыть всю книгу, но в итоге это сделают за неё другие. Единственная, кто обращается к Ирине Борисовой на «Вы», сохраняя дистанцию глубокого профессионального почтения.

Ирина Борисова (Нейромаркетинговое божество)

Пышная, стильная дама из Перми с бешеной харизмой. Знает о мозге больше, чем сам мозг. Командует переносом восьмиметровых конструкций с такой уверенностью, будто это передвижка нейронных связей. Способна на ходу придумать оккультную легенду о желтом платочке, чтобы спасти Глеба и репутацию конференции.

Стас (Звуковой пророк на тачке)

Технический шаман и приручитель децибелов, чей приход был настолько эпичным, что требовал от Мишани Жукова физического подвига и садовой тележки, доставившей этот гений с дачи в трех километрах. Человек, которого Глеб целый день на 9-е число накачивал утренним кофеином, помогая с каждым кабелем, чтобы в финале Стас заставил безумную аппаратуру петь, а не кричать, принося технический порядок в абсолютный хаос.

Мишаня Жуков (Мученик)

Организатор PornConf, диджитал-маркетолог и автор платформы «Кольцо». Маленький, подозрительно молчаливый и вечно безденежный гений. Обладает талантом находить лимузины по цене «Газели» и вкатывать огромных звукорежиссеров в сюжет на садовых тележках. Караулит баню до утра и спит с открытыми глазами, мечтая о семье и стабильном пинге.

Дима Фердман (Маркетинговый Аполлон)

Красавец, метросексуал и адепт абсолютной чистоты. Его харизма настолько велика, что женщины забывают, о чем он говорит, а мужчины начинают невольно поправлять галстуки.

Соревнуется с Пашей в банном искусстве и первым ставит диагноз любой ситуации фразой: «Это жопа».

Паша (Хладнокровный аналитик)

Человек-сканер. Видит закономерности там, где остальные видят белый шум. Паша раскладывает маркетинги на такие составляющие, что становится страшно от его точности. Способен найти логику в самом глубоком абсурде и обосновать её цифрами.

Глеб Глебыч (Рыжий Викинг со стремянкой)

Верный ученик Марины, потолочник, атлет, морж и абсолютный трезвенник. Приезжает на «Икстрейле» со стремянкой на крыше и рюкзаком, полным инструментов. Единственный человек, способный починить абсолютно все, открыть воду всей базе и при этом цитировать Цветаеву рыдающим журналисткам в два часа ночи. Порывист, обнимает «лапищами» и жаждет обсудить стратегию продаж в самый неподходящий момент.

Эмиль Васильев (Юридический Сфинкс)

Худой, застенчивый юрист из Казани, чей юридический язык компенсируется гениальным знанием кодексов. Побаивается Марины, но поддается всеобщему безумию настолько, что участвует в незаконном переносе конструкции в первую ночь.

Саша Михайлов (Теоретик в поисках Карлсона)

Спикер-скептик, чья уверенность в собственной правоте может поспорить только с его любовью к детской литературе. Способен завалить спасательную операцию, потому что нашел в кабинете директора книгу про «привидение с мотором» и советский рубль.

Мария Вольман (Сексолог и Департамент счастья)

Профессионал с большой буквы, который в быту выглядит так, будто постоянно извиняется за свое существование. Становится жертвой «водного апокалипсиса» и переезжает к Марине, становясь невольным свидетелем ночных маркетинговых откровений. Объект безответной страсти официанта Витюши.

Антонина Куликова (Волевой борец с абсурдом)

Кремень-женщина и главный стабилизатор этой компании. Пока остальные генерируют смыслы, она строит фундамент. Именно она придумывает подавать виски на блюдах запертому персоналу, чтобы поддержать боевой дух в условиях изоляции.

Ольга Гесс (Пиарная муза)

Красивая, медийно-рассеянная и неуловимая. Пышная юбка, легкая походка и способность не запутаться в планах Василия, создавая вокруг проекта ореол таинственности и важности.

Агнесса и Аполлон (Медиа-десант)

Наши доблестные журналисты. Агнесса фиксирует каждый чих, а Аполлон сквозь толстые линзы очков с нескрываемым и весьма похотливым интересом изучает адалт-моделей в перерывах между репортажами. Люди, способные превратить любой кипиш в эксклюзив, от которого у читателей волосы встанут дыбом.

Василий (Администратор-пленник)

Старый служака базы «Медный всадник», который умудряется запереть себя и весь персонал в собственном кабинете в разгар подготовки. Рвет и метает шепотом, пытаясь контролировать Сашу, и в итоге ластится к спикерам, осознав масштаб их разрушительной и созидательной силы.

Витюша (Официант-инструменталист)

Влюбленный в Марию бывший бармен с прямой спиной и привычкой приседать при подаче. Его страсть к чистоте вилок граничит с безумием, он забирает приборы быстрее, чем гость успевает ими воспользоваться. Автор легендарных «железных титек».

Часть первая. 8 июня: «Белые ночи, черные чемоданы и садовая логистика»

Глава 1 и 2. В которой Пулково встречает меня катастрофическим недосыпом, а Мишаня — белым лимузином, что сразу наводит на мысли о неизбежном ахтунге в сценарии этого праздника жизни.

О пользе Кьянти и о том, как стратегическая закупка виски превращается в операцию по спасению будущего продюсерского имиджа.

Пулково в девять утра встретило меня обманчивым спокойствием. Вчерашний ураган, который, по слухам, едва не сдул статуи и вазы с крыши Эрмитажа, наконец-то выдохся и уполз куда-то в сторону Ладоги, оставив после себя лишь тяжелую, пропитанную невской влагой тишину и запах мокрого бетона. Я выкатила свой черный чемодан из здания терминала. Моя ручная кладь, компактная, жесткая и чертовски тяжелая для своих размеров, катилась по асфальту с глухим, солидным стуком. Это был звук надежности, которого мне сейчас катастрофически не хватало.

Спина, мой верный внутренний диктатор и бессменный цензор всех моих авантур, немедленно отозвалась отчетливым, звенящим «дзынь» в самом низу поясницы. Это было не просто предупреждение, это был полноценный юридический иск от собственного организма. Четыре часа сна в узком кресле самолета, летевшего из Новосибирска, превратили мою поясницу в кусок старой подошвы, который кто-то пытался согнуть под углом девяносто градусов.

— Дурная ты у меня, Лиза, — прошептала я сама себе, осторожно выпрямляясь во все свои сто семьдесят два сантиметра.

Я на секунду сняла изящные очки, чтобы протереть стекла. Мир тут же превратился в неясное, расплывчатое бирюзовое марево — цвет моей толстовки, которую я выбрала для перелета. Мое зрение всегда было моей ахиллесовой пятой: без очков я видела мир как импрессионист на поздней стадии творчества. Надев их обратно, я сфокусировалась на экране телефона.

Новосибирск был далеко, но его эхо настигало меня в каждом уведомлении. Муж писал, что дома всё хорошо: дети ведут себя подозрительно тихо, а кот Кокот в знак протеста против моего отъезда занял мою половину кровати и смотрит на всех так, будто он — единственный законный наследник престола. Мой диплом юриста, который уже давно пылился на полке, уступив место карьере эксперта по продажам, сейчас подсказывал мне, что право собственности Кокота на кровать оспорить не удастся. «Живая», — набрала я короткое сообщение мужу. — «Целую, жду машину».

Такси до Московской площади ехало долго. Я впала в ту самую глубокую продюсерскую кому, когда сознание отключается, но инстинкты продолжают сканировать реальность. Я периодически выныривала из забытья, чтобы увидеть в окно последствия вчерашней стихии. Питер выглядел как после большой и очень неудачной вечеринки: поваленные деревья лежали на газонах, словно уставшие гости, а рекламные щиты по пути в город были скручены в причудливые оригами. Таксист, меланхоличный мужчина с лицом человека, который видел даже при-

шествие инопланетян и не удивился, что-то бубнил про сорванные крыши где-то в области, но я лишь глубже вжималась в заднее сиденье.

На Московской площади я вышла из такси, и реальность немедленно ударила мне в нос запахом бензина. У фонтанов, которые в это утро работали с каким-то остервенелым усердием, уже собралась наша команда.

Я посмотрела на них и в голове сама собой, как заевшая пластинка, зазвучала песня: «Светило солнышко и ночью, и днем, не бывает атеистов в окопах под огнем». Да уж, наши «окопы» сегодня пахли дорогим парфюмом и предчувствием грандиозного события.

Дима Фердман, специалист по чат-ботам, стоял у самого края фонтана в такой безупречной позе, будто его укладка имела собственный страховой полис на случай ядерной войны. Его волосы не посмел бы шевельнуть даже вчерашний ураган. Паша-аналитик, человек, в чьей голове цифры заменяли эмоции, с видом оскорбленного достоинства изучал горизонт. Было очевидно, что отсутствие логики в текущем моменте причиняло ему почти физическую боль. Маша Вольман извинялась взглядом перед каждым голубем, которого нечаянно пинали наши нервные спикеры. Тут же была Ирина, уже вовсю шуршавшая какими-то планами, Антонина, чья энергия могла бы запитать небольшой микрорайон, и Оля, хранившая олимпийское спокойствие в любой ситуации.

К ребятам подходил Саша, готовый вещать о продвижении в ВК днем и ночью. Черная спортивная сумка дополняла его строгий вид бывшего спикера.

В центре этого броуновского движения, как раненый зверь в клетке, метался Мишаня Жуков. Он прижимал телефон к уху плечом и совершал такие пассы руками, словно пытался вызвать из недр площади батальон «Газелей».

— Какой «форс-мажор», блин?! — натужно, на самой высокой ноте орал он в трубку. — Вы мне обещали «Газель»! Обычную, скучную, серую «Газель»! Где она?! Почему тут ЭТО?!

Мишаня в какой-то момент замолчал, медленно поднял глаза к хмурому питерскому небу, на котором всё еще бродили серые клочья туч, и с такой искренней тоской в голосе произнес: — Боженька, помоги!

Рядом с ним, почти сложившись пополам под тяжестью своих юридических знаний, стоял Эмиль. Наш гений договоров сосредоточенно копался в какой-то измятой бумажке.

— Мишаня, тут коллизия, — монотонно, как метроном, бубнил Эмиль, не поднимая головы. — В договоре с перевозчиком в пункте пять-три сказано про форс-мажор, но замена транспортного средства на категорию «Люкс» без доплаты прописана крайне туманно. Если мы сейчас начнем требовать замену на стандарт, мы потеряем три часа. Нас поджимает тайминг заезда, Марина уже здесь.

Я подошла ближе, поправляя очки. Причиной спора и мишаниных молитв был ослепительно белый лимузин. Огромный, вызывающе длинный, сверкающий хромом и такой глухой черной тонировкой, что казалось, внутри него находится черная дыра, а не салон.

— Сударь, это что такое у нас на парковке? — я ткнула пальцем в сторону этого белого кита, обращаясь к Мишане.

— Эти дураки всё перепутали! — Мишаня наконец отнял телефон от уха и посмотрел на меня взглядом человека, который только что видел всадника апокалипсиса. — Сказали: «Газелей» нет, все уехали на развоз кровельных материалов после шторма. Берите, говорят, лимузин по цене грузовика, только не орите. Эмиль вон полчаса пытается понять, не заставят ли нас потом за него почку продать в счет аренды.

Эмиль поднял на меня взгляд, в котором читалась вековая юридическая скорбь, понятная только нам двоим.

— Марина, тут пункт четыре-три, — сказал он, переходя на наш специфический птичий язык профессионалов. — Перевозчик вправе предоставить транспортное средство классом не ниже заявленного. Лимузин — это, формально, не ниже. Но тут есть ссылка на приложение

Б по расходу ГСМ... Если мы сейчас подпишем акт приемки без оговорки о фиксированной цене, они нам потом выставят счет за прокат представительского класса. Я пытаюсь найти юридическое обоснование того, что лимузин — это просто очень длинная «Газель».

Я посмотрела на ребят. Усталость на их лицах начала сменяться азартным любопытством. Всем нам до чертиков хотелось залезть в этот кондиционированный рай и уехать подальше от этой площади. Продюсер во мне уже подсчитывал эффект от такого «дорого-богатого» появления на базе.

— Эмиль, брось бумажку, — скомандовала я, чувствуя, как внутри закипает энергия действия. — Перевозчик махнул рукой, а нам пора на базу. Трындец наступит, если мы будем тут стоять еще час и ждать, пока логика вернется в этот город. Загружаемся!

Процесс погрузки напоминал попытку впихнуть невпихуемое в ограниченное пространство. Багажник лимузина, который снаружи казался бездонным, внутри оказался издевательски маленьким — туда влезло только три чемодана девочек и Сашина спортивная сумка. Остальное — триста пустых шоперов, коробки с раздаткой, ноутбуки и личные вещи остальных, пришлось затаскивать в салон.

— Капец, — выдохнула Саша, пытаясь пристроить коробку с бейджами на кожаное сиденье так, чтобы она не съехала при повороте. — Марина, мы тут будем сидеть как селедки в бочке с бриллиантами!

— В тесноте, да в лимузине, — философски заметила Оля, впихивая очередной пакет под ноги Паше-аналитику.

В итоге мы загрузились. Я, Саша, Эмиль, Мишаня, Паша, Дима, Ирина, Антонина, Оля и Маша — все десять человек втиснулись в прохладное, пахнущее дорогой кожей нутро машины. Салон встретил нас неоновой подсветкой и — о чудо! — ведерком с шампанским.

— С Богом! — крикнул Мишаня водителю, и наш белый крейсер плавно, почти бесшумно отчалил от Московской площади.

Едва мы выехали на трассу, Дима, который у нас всегда отвечала за боевой дух и наличие пузырьков в крови, с характерным праздничным хлопком открыл первую бутылку.

— Дружочки, ну здорово же, а?! — воскликнул он, разливая игристое по бокалам. — Мы едем на конференцию в лимузине! Трындец подкрался незаметно, но в очень красивой упаковке! Пьем только шампанское, пока не доедем до базы!

— Поддерживаю! — засмеялась Антонина, принимая бокал. — Марина, ну скажи, это же лучший вход в проект за всю историю экспертных ниш? Двести шоперов в лимузине — это ж контент года!

Я пригубила холодное вино и почувствовала, как по телу разливается приятная слабость. Жара снаружи, которая начала набирать обороты после шторма, только подчеркивала кайф от кондиционера. В свои сто семьдесят два сантиметра я чувствовала себя на этом кожаном диване вполне по-королевски, если не считать того, что мои ноги упирались в коробку с каким-то барахлом, а рядом Эмиль всё еще что-то бормотал про ГСМ.

— Главное, чтобы мы в этом лимузине не расслабились до состояния нестояния, — заметила Ирина, доставая планшет и поправляя беретик. — Мишаня, я серьезно говорю: баннер придется двигать. Нам нужно создать тень для спикеров.

— Ира, — Мишаня страдальчески закатил глаза и припал к бокалу. — Давай хоть до КБ доедем. Я сейчас хочу просто верить, что лимузин — это наша судьба, а ураган — это просто неудачная шутка синоптиков. Кто вообще придумал строить хлипкую сцену на открытом воздухе под Питером с его ветрами?

Саша Михайлов, сидевший в самом углу и меланхолично рассматривавший пузырьки в бокале, внезапно оживился: — Если звук на базе будет таким же объемным, как этот салон, я готов простить администрации базы даже если они забыли построить туалеты.

— О, Саша, ты еще не знаешь нашего администратора, — усмехнулся Паша, не отрываясь от экрана телефона. — Я изучил статистику заездов на эту базу. Судя по всему, там «стабильность» — это понятие философское.

Салон наполнился громким, безудержным смехом. Мы пили шампанское, перебивали друг друга, обсуждали, как будем проводить нетворкинг, и делились самыми дикими историями из практики проведения конференций. Это было то самое безудержное веселье, которое случается только тогда, когда группа взрослых, ответственных людей понимает: ситуация вышла из-под контроля, и единственный способ выжить — это возглавить этот бардак.

— К «Красному и Белому», пожалуйста! — скомандовал Мишаня водителю, когда мы поравнялись с заветной красно-белой вывеской на окраине города. — Шампанское — это аперитив, а для настоящей работы в условиях постапокалипсиса нам нужен тяжелый дивизион.

Заезд в магазин стал финальным аккордом нашего городского этапа. Лимузин, переродив всю парковку и вызвав шок у местных жителей, замер. Мы высыпали из него всей гурьбой, как десант из будущего. Я, уже чувствуя, что в джинсах становится невыносимо жарко, мечтала о бирюзовом платьюшке, но сначала — закупки.

Я решительно направилась к полкам с вином. Четыре бутылки Кьянти — мой личный стратегический запас на себя и тех, кто в нужный момент захочет приобщиться к прекрасному. Маша Вольман, продолжая извиняться перед очередью, которая заворуженно смотрела на наших спикеров, нежно прижимала к себе две бутылки белого сухого. Паша взял коньяк — свою «жидкую логику», а Мишаня, понимая, что впереди нас ждет не только конференция, но и многочасовые посиделки, загрузил в тележку упаковку виски и батарею колы на весь наш табор.

Когда мы вернулись в лимузин, обставленные бутылками, как драгоценностями, я наконец-то смогла снять свои любимые походные туфли, в которых прилетела.

— Ну всё, погнали, — констатировала я, откидываясь на спинку дивана. — Лимузин по цене «Газели», вези нас навстречу подвигам.

Дорога до «Медного всадника» заняла около часа. Это был час самого беззаботного счастья. Мы пели песни, строили грандиозные планы по захвату рынка и чувствовали себя настоящими хозяевами жизни в этом кожаном коконе. Мир снаружи проносился мимо — поваленные сосны, разбитые крыши остановок, суetyающиеся ремонтники — но внутри нашего «крейсера» царил атмосфера вечного праздника.

Но как только машина плавно затормозила у ворот базы и водитель с меланхоличным видом открыл тяжелую дверь, реальность обрушилась на нас со всей своей беспощадностью. Теплый влажный воздух ворвался в салон, выдувая остатки кондиционированного рая.

Мы один за другим вышли из лимузина, поправляя одежду и щурясь от яркого, солнушка. И в ту же секунду мы все, как по команде, замерли.

Мы впали в полный афиг от увиденного.

База «Медный всадник» лежала перед нами как поле битвы, на котором проиграли все. Площадка, где завтра должны были собраться сто восемьдесят участников и адалт-модели, выглядела так, будто по ней прошелся стадо пьяных мамонтов. И самое главное — сцена. Огромный стальной каркас, который должен был быть крытым, сиял своей обнаженной пустотой. Крыши не было. Вообще. Она просто исчезла, оставив нас один на один с этим голым, издевательски блестящим на солнце скелетом.

— Трындец, — выдохнул Мишаня, и его голос в этой тишине прозвучал как похоронный звон по нашей уверенности.

PornConf 2026: Официальный дайджест и программа мероприятия

Сердце проекта: Михаил Жуков и полгода без права на сон

За фасадом любого масштабного события всегда стоит человек, который решил поставить на карту всё. Для PornConf 2026 таким человеком стал **Михаил Жуков**. Чтобы этот день наступил, чтобы этот лимузин приехал на Московскую площадь, а сто восемьдесят участников получили свои приглашения, Михаил провел последние шесть месяцев в состоянии, которое медики называют «запредельным функциональным напряжением».

Полгода без полноценного сна. Полгода в режиме бесконечных созвонов с юристами, переговоров с площадками и борьбы с рекламными алгоритмами. Михаил Жуков — не просто организатор, он идеолог трансформации восприятия целой индустрии. Его цель — превратить Pornhub из «запретной зоны» в прозрачный рабочий инструмент для бизнеса с измеримым ROI.

Михаил Жуков — Ключевой спикер и основатель:

— **Опыт:** 10 лет в маркетинге, из них 5 лет — плотная работа с adult-площадками.

— **Статус:** Практик, лично запускавший и масштабировавший кампании на Pornhub для российского рынка; основатель медийного агентства.

— **Тема доклада:** «Pornhub для бизнеса: от первой кампании до системного трафика».

Михаил готовил этот доклад как системный разбор, лишенный «воды» и пустых обещаний. В его сессии заложены ответы на вопросы, которые обычно скрыты за грифом «секретно»:

— **Сегментация ЦА:** Кто на самом деле является пользователем платформы и почему это идеальный трафик для IT, fashion и образовательных проектов.

— **Механики аукционов:** Как работают алгоритмы Pornhub, какие форматы обеспечивают максимальный CTR и как проходить модерацию без нарушения правил.

— **Экономика и LTV:** Расчет микроконверсий и обоснование того, почему пожизненная ценность пользователя (LTV) с adult-площадок часто превышает показатели традиционных соцсетей.

— **Юридические границы:** Четкое разграничение того, что разрешено законом прямо сейчас.

Юридический Clarity: Эмиль Васильев

Бизнес не терпит неопределенности, и именно поэтому юридический блок конференции стал одним из самых ожидаемых. Страх блокировок и репутационных рисков останавливает большинство предпринимателей. **Эмиль Васильев**, юрист, специализирующийся на digital-проектах в высокорисковых нишах, подготовил две ключевые сессии:

— **Сессия 1: Рекламное право.** Пошаговый чек-лист проверки офферов и креативов на соответствие ст. 6.21 КоАП РФ. Как оставаться в правовом поле, масштабируя охваты.

— **Сессия 2 (Воркшоп): Контракты с моделями.** Практический разбор типовых договоров на создание рекламного контента: передача прав на изображение, гарантии конфиденциальности и структура выплат.

— **Защита репутации:** План действий на случай претензий со стороны «общественников» или конкурентов. Эмиль дает не теорию, а юридически выверенные инструкции, готовые к внедрению сразу после конференции.

Тренды PR и маркетинга 2026: Почему нестандартные площадки — новый мейнстрим

В 2026 году в маркетинге произошел тектонический сдвиг. Традиционный PR в виде пресс-релизов окончательно умер. Охваты в соцсетях падают, цена контакта растет. На этом фоне adult-платформы стали каналом, дающим лиды по 25 рублей.

Статистика и кейсы:

— **Динамика:** С 2023 года количество «белых» компаний на adult-площадках растет на 30—40% ежегодно.

— **Кейс «Банк Точка»:** Кампания «Управляй бизнесом одной рукой» принесла за первый месяц больше заявок, чем традиционные каналы за полгода.

— **Кейс «Little Home»:** Реклама детских кроваток со слоганом «Папа и мама должны спать вместе» показала CTR в разы выше среднего по рынку.

— **Аудитория:** 74 миллиона пользователей из РФ на Pornhub. Средний возраст — 37 лет. 70% — люди с доходом выше среднего. Растущий тренд — женщины (29% аудитории РФ), показывающие более высокий средний чек и лояльность брендам.

PR и HR-технологии: Антонина Куликова

Антонина Куликова, Senior PR-менеджер Rassvet. digital, представляет революционный кейс по использованию Pornhub для хантинга разработчиков.

— **Суть:** Запуск вирусной вакансии b2b-агентства на нестандартной площадке.

— **Результат:** Сотни откликов от специалистов, мыслящих нестандартно, и существенное снижение стоимости найма (Cost Per Hire) по сравнению с традиционными ресурсами.

— **PR-эффект:** Превращение потенциального скандала в мощный инфоповод, усиливающий бренд работодателя.

VK: Возвращение гиганта. Александр Михайлов

Пока все ищут обходы блокировок, **Александр Михайлов** (founder #enter.media, амбасадор АКАР) доказывает, что VK рано списали со счетов.

— **Точки роста:** Где искать аудиторию после удаления «того самого» поиска.

— **Три уровня развития бизнеса:** От первого касания до системных продаж через конкурсы и вирусный контент.

— **Инсайд:** Полный разбор посевов в пабликах тематики 18+: как договариваться, что можно публиковать и как считать эффективность.

Ольга Гесс. Gess Group. Нестандартные каналы трафика как источник роста

В условиях, когда аукционы в традиционных каналах (Яндекс. Директ, VK, Telegram) перегреты, а стоимость лида растет в геометрической прогрессии, выигрывают те, кто находит «голубые океаны» там, где конкуренты видят лишь риски.

Ольга Гесс — основатель агентства **Gess Group**, входящая в **TOP-100 digital PR экспертов России**. Её специализация — нахождение и эксплуатация нестандартных каналов коммуникации, которые дают кратный рост бизнеса при минимальных затратах на охват.

В рамках доклада на PornConf 2026 Ольга разберет:

— **Эволюция PR-инструментов:** Почему классические методы перестали работать и как PR-стратегия 2026 года должна интегрироваться в «серые» и нестандартные зоны для получения максимального профита.

— **Поиск точек роста:** Алгоритм поиска площадок, где ваша целевая аудитория находится в состоянии максимальной восприимчивости к сообщению.

— **Кейсы и цифры:** Реальные примеры того, как интеграция бренда в нестандартный контент повышает лояльность и снижает стоимость привлечения клиента.

— **Масштабирование:** Как превратить разовый «хайповый» заход в системный канал трафика.

Инновационный Нетворкинг: «Биржа трафика»

Мы отказались от формата «неловких знакомств у кофе-брейка». «Биржа трафика» — это живой квест, направленный на поиск точек соприкосновения.

— **Механика:** Карта заданий и четыре тематические станции («Площадки», «Риски», «Креативы», «Бизнес»).

— **Цель:** Сбор токенов через осмысленные диалоги. Токены обмениваются на консультации экспертов, аудиты рекламных кабинетов и доступ в закрытые каналы.

— **Участники:** Владельцы агентств, performance-маркетологи, основатели IT-стартапов и инвесторы.

Воркшопы второго дня: От теории к инструментам

Второй день PornConf 2026 полностью посвящен практике. Участники выбирают направление и уходят с готовым решением:

— **Дмитрий Фердман:** «Разработка чат-бота для бизнеса». Техническая сборка бота, конвертирующего трафик в лиды 24/7.

— **Ирина Борисова:** «Дофамин как бизнес-модель». Практическое применение нейромаркетинга для управления вниманием и лояльностью клиентов.

— **Мария Вольман:** «Комьюнити-менеджмент через брак и секс». Нестандартные механизмы построения сообществ.

— **Марина Скуратовская:** «Архитектура звонка в B2C». Скрипты первого контакта и алгоритмы отработки возражений для превращения холодного звонка в сделку.

— **Павел Тановицкий:** «Аналитика с MAPCa». Построение систем аналитики, принимающих решения на основе данных.

Партнерская программа и Финал

PornConf 2026 — это не просто лекции, это экосистема. Для лидеров мнений запущена партнерская программа, позволяющая интегрироваться в самый динамичный сегмент digital-рынка.

— **Для кого:** Владельцы TG-каналов, маркетинг-эксперты, организаторы сообществ.

— **Условия:** Высокий процент с продаж, статус официального партнера и доступ к закрытому кругу экспертов.

PornConf 2026. Говорим о деньгах открыто. О рисках — тем более. Это интенсив, который пересобирает воронку трафика.

Глава 3. «Медный всадник» и первое явление сударя Василия, который еще не подозревает, что скоро станет администратором-пленником.

Лимузин плавно, почти бесшумно, замер у ворот усадьбы «Медный всадник» ровно в 12:30. Мы прибыли минута в минуту, как заправские десантники, только вместо парашютов у нас были бокалы с остатками шампанского, а вместо сухпайка — двести шоперов в салоне и багажном отделении. Когда водитель, сохранивший на лице выражение каменного сфинкса на протяжении всей дороги, открыл тяжелую дверь, в салон ворвалась реальность.

Это был не просто воздух. Это был концентрат Ленинградской области после хорошей взбучки: пахло влажной хвоей, перетертой в пыль сосновой корой и тем специфическим озоновым холодком, который остается, когда стихия уже ушла, но еще не извинилась. Я осторожно спустила ноги на землю. Мои походные туфли, в которых я выдержала перелет из Новосибирска и бесконечные марш-броски по Пулкову, глухо чавкнули по влажному грунту, густо усыпанному иголками и мелкими ветками.

— Трындец, — выдохнул Дима Фердман, выходя следом за мной.

Я обернулась. Дима в этот момент выглядел просто божественно. Он поправил свои подчеркнуто метросексуальные очки, которые на фоне этого дикого леса смотрелись как деталь из фильма про колонизацию Марса. В этих очках Дима сразу становился похож на очень дорогого эксперта, который приехал не конференцию проводить, а покупать эту базу целиком, вместе с лесом и фонтанами. Я поправила свои изящные очки — мир тут же обрел резкость, хотя резкость эта меня, мягко говоря, не вдохновила.

Справа от меня потянулся Саша Михайлов. Его лицо под очками выражало суровую сосредоточенность ВК-стратега. Он закинул свою черную спортивную сумку на плечо, и по его взгляду было понятно: он уже сканирует местность на наличие хотя бы одного живого деления сотовой связи. Как бывалый спикер, он знал — если в лесу нет интернета, то и спикера в лесу, считай, нет.

Мы стояли у ворот и молча созерцали масштаб катастрофы. Усадьба «Медный всадник» встретила нас во всем своем постапокалиптическом величии. Это была территория, где природа явно решила провести внеплановый ребрендинг. Сосны, огромные, вековые, стояли вперемишку с поваленными собратьями. Кое-где ветки висели на проводах, напоминая гигантские рождественские украшения, забытые пьяным электриком.

Прямо перед нами возвышалось основное трехэтажное здание — монументальный корпус, где располагались административные кабинеты и номера. Оно выглядело крепким, но каким-то ошарашенным, словно его только что разбудили ударом бревна по фасаду. Чуть в отдалении, среди деревьев, виднелись десять деревянных домиков — те самые уютные гнезда для семей с детьми и vip-гостей. Сейчас они напоминали спичечные коробки, которые кто-то небрежно рассыпал по лесу.

Но главной точкой притяжения был пруд. Посреди небольшого водоема, на куске гранита, гордо высился сам Медный всадник — уменьшенная, но от того не менее пафосная копия памятника. Из-под копыт коня должен был бить величественный фонтан, но у урагана были свои планы на гидротехнику. Из-за вчерашнего шторма фонтан работал прерывистыми, судорожными толчками. Петр I буквально икал водой в ритме неисправного карбюратора.

— Капец, — прошептала Маша Вольман, подходя ближе к пруду. — Он что, на нас ругается?

— Он в шоке, Маша, — отозвался Паша-аналитик, не отрываясь от своего телефона. — Согласно моим расчетам, вероятность того, что эта база выживет после нашего заезда, стремится к нулю.

Я проигнорировала Пашин пессимизм и посмотрела туда, где должна была стоять наша сцена. Огромный стальной каркас конструкции сиял своей обнаженной пустотой прямо по центру площадки. Это был скелет, лишенный плоти. Тент, который должен был накрывать спикеров и участников, просто испарился. Его не было ни на каркасе, ни рядом. Казалось, ветер аккуратно «раздел» сцену, оставив нас один на один с этим металлическим издевательством.

Ирина, в своем неизменном беретике стояла у самого края площадки. Она молча, скрестив руки на груди, созерцала эту стальную геометрию. По её затылку было понятно: в этой голове уже начали ворочаться мысли планетарного масштаба, но пока в воздухе царило зыбкое перемирие перед бурей.

— Марина, — Мишаня подошел ко мне, щурясь на солнце.

После полугода без сна он выглядел как человек, который прошел через все круги ада и теперь обнаружил, что в раю тоже ремонт.

— Марина, ты это видишь? Крыши нет. Тенты сорвало к чертовой матери. Я полгода планировал этот ивент, я каждую минуту программы выверял... и теперь мы будем выступать под открытым небом, как бродячие актеры?

— Мишань, спокойно, — я положила руку ему на плечо. — Мы в «Медном всаднике», у нас есть лимузин и Кьянти. Это уже пятьдесят процентов успеха. А крыша... крыша найдется. Или мы придумаем новую реальность.

В этот момент из дверей главного корпуса выскочил человек. Обычный парень в легких джинсах и футболке, которая явно знала лучшие времена. Он бежал к нам по дорожке, на ходу вытирая руки о штанины. Это был Василий — администратор этого заповедного бардака. Чем ближе он подходил к нашему ослепительно белому лимузину, тем медленнее становился его шаг. В пяти метрах от машины он просто остоленел. Его рот приоткрылся, а взгляд застыл между хромированной решеткой радиатора и нашей пестрой делегацией.

Представь картину: глухой лес, разрушенная база, «икающий» памятник и... одна-дцатиметровая белоснежная «сосиска», из которой высыпала толпа модных людей. Василий выглядел так, будто он случайно открыл дверь в другое измерение.

— Здравсьте... — выдавил он, глядя на нас как на пришельцев из космоса.

Я сделала шаг вперед, поправляя свои очки. Поясница в этот момент отозвалась коротким, но болезненным охом.

— Добрый день, Василий. Мы организаторы «PornConf». И мы очень надеемся, что в вашем кабинете есть не только ключи от номеров, но и валерьянка. Потому что то, что мы видим на месте сцены, наводит на мысли о временном отсутствии разума в этом мире.

Василий сглотнул. Он посмотрел на Мишаню, потом на Сашу Михайлова, который в этот момент выглядел особенно грозно со своей сумкой, и снова на меня.

— Мы... мы вас ждали. Но машина такая... длинная. У нас «Газель» обычно приезжает. А тут — это. И ураган вчера... — он беспомощно махнул рукой в сторону «голового» каркаса. — Мы всю ночь тут сучья убирали. Крышу сдуло сразу, она где-то в лесу лежит, мы её даже не искали еще.

— Понятно, — я вздохнула. — Василий, послушайте. У нас тайминг. В 12:30 мы должны были начать заселение. Сейчас — ровно 12:30. Поэтому давайте оставим поиски крыши на десерт. Сейчас нам нужно выгрузить багаж и занять свои номера. У нас в машине двести шоперов. Вы понимаете, что такое двести шоперов в лимузине? А еще багаж и много всего.

Василий кивнул так интенсивно, что я испугалась за его шею.

— Конечно! Всё готово! Номера приготовили. Пойдемте, я покажу, куда вещи складывать. У нас там конференц-зал на первом этаже, всё туда влезет.

Я обернулась к ребятам. — Команда, заземляемся! Василий ведет нас к ключам. Но сначала — великая разгрузка.

Мы двинулись за ним по дорожке. Воздух здесь был действительно потрясающий — густой, вкусный, пропитанный хвоей и озоном. В трех километрах отсюда начинались дачи, но здесь создавалось ощущение полной изоляции от цивилизации. Сосны стояли стеной, защищая наш маленький «взрослый» рай от лишних глаз.

Слева от дорожки манили крышами два ресторана. Тот, что побольше — «Емеля» — уже дразнил нас запахами из кухни. Чуть дальше виднелась баня. О, это была не просто баня — это был настоящий комплекс отдыха с большой парилкой и бассейном на улице, окруженным удобными шезлонгами и столиками. Я уже видела нас там вечером: бассейн, лес, звезды и тишина, не нарушаемая криками о конверсии и ROI.

Но до бассейна было еще далеко. Впереди нас ждал багажник лимузина, набитый под завязку, и Василий, который всё еще не мог прийти в себя от вида нашего транспорта.

— Трындец как красиво, — сказала Маша, вдыхая лесной воздух. — Если бы еще не этот стальной скелет на площади...

— Не переживай, Маш, — улыбнулся Дима, поправляя свои божественные очки. — Мы здесь, чтобы наполнить этот скелет жизнью. И шампанским.

Василий открыл двери главного корпуса, и мы вошли внутрь. Холл пах свежим деревом и старой бумагой. Впереди была работа, заселение и тот самый бирюзовый цвет, который должен был изменить моё состояние. Но сначала — двести шоперов.

Холл главного корпуса встретил нас именно так, как должна встречать современная загородная резиденция, претендующая на статус лучшей площадки Ленобласти. Здесь всё работало на одну цель — заставить гостя почувствовать себя важным ещё до того, как он достанет паспорт. Никаких следов советского прошлого, этого выкрашенного масляной краской уныния и запаха хлорки. Только сдержанный скандинавский минимализм, панорамные окна в пол, которые стирали грань между интерьером и сосновым лесом, и едва уловимый, дорогой аромат интерьерного парфюма. Ноты сандала и свежескошенной травы смешивались в воздухе, создавая иллюзию абсолютного покоя, даже когда внутри тебя всё звенело от напряжения. Дизайнеры явно понимали толк в создании правильного состояния: мягкий, многоуровневый свет, отделка из натурального светлого дуба и матовые поверхности, к которым хотелось прикоснуться. Это было место, где даже урагану, бушевавшему вчера, должно было стать стыдно за свое поведение.

Мы ввалились внутрь, и наш «десант» мгновенно заполнил пространство ресепшена. Я прислонилась к стойке, чувствуя, как поясница начинает мелко подрагивать — четырехчасовой перелет и час в лимузине выставили моей спине счет, который нужно было оплатить немедленно. Василий, который до этого момента семенил впереди, как нашкодивший школяр, заскочил за стойку и замер, пытаясь справиться с дрожью в руках. Вид нашего лимузина у ворот явно выбил его из колеи. Парень выглядел так, будто к нему приехала не группа маркетологов для подготовки конференции, а делегация из министерства магии с инспекцией по выявлению запрещенных артефактов.

— Так, друзья, заземляемся, — я обвела взглядом команду. Мой голос прозвучал ниже обычного, в нем прорезались те самые командные нотки, которые обычно предвещают либо грандиозный успех, либо раздачу люлей. — Пока мы не превратились в экспонаты музея уставших людей, нужно разойтись по норам. Василий, сударь мой... — я вовремя прикусила язык. Нет, Василий на «сударя» пока не тянул. Рановато ему в избранные, пусть сначала хотя бы тележку найдет. — Василий, давай ключи.

Василий засуетился, его пальцы путались в ключах с тяжелыми деревянными брелоками. Номера на дереве были выгравированы четко, стильно — еще один жирный плюс в карму владельцев базы за внимание к деталям.

— Марина, ваш восьмой на втором этаже, — пролепетал он, наконец выловив нужный брелок. — Там матрас специальный, ортопедический. И вид... вид на фонтан. Это лучший номер в этом крыле, я сам проверял.

Я взяла ключ, ощущая приятную, успокаивающую тяжесть дерева.

— Матрас — это сейчас единственный аргумент, который удерживает меня от того, чтобы не уснуть прямо здесь на стойке, — хмыкнула я, поймав сочувственный взгляд Тони.

Дима в это время уже нашел свое отражение в зеркальном панно за спиной Василия. В своих подчеркнуто метросексуальных очках он выглядел просто божественно. Как он это делает? Даже легкая дорожная пыль на его пиджаке казалась не грязью, а продуманным элементом стиля «гранж-шик». Он поправил дужку очков с таким видом, будто благословлял всё это помещение своим присутствием, и Василий, поймав этот величественный жест, стал еще тише и незаметнее, словно пытался мимикрировать под цвет дубовых панелей.

Рядом Мишаня пытался сосредоточиться на списках заезда. Его глаза, обычно живые и острые, сейчас казались особенно красными от недосыпа. Но в них всё еще горел тот самый огонек профессионального фанатика, который заставлял его полгода пахать без выходных, сводя воедино сотни спикеров и тысячи деталей.

— Марина, я сейчас списки проверю и тоже наверх, — бросил он, не отрываясь от бумаг. — Надо хоть лицо умыть, а то я в зеркале вижу какого-то незнакомого кукуню вместо организатора конференции. Если я сейчас не заземлюсь, начну считать людей в холле как лидов по себестоимости.

Мы потянулись к лестнице. Она была широкая, добротная, из того же светлого дерева, что и стойка. И скрипела она не по-нищенски, не как в старой хрущевке, а как-то благородно, с достоинством, подчеркивая статусность здания. На каждом пролете стояли огромные керамические кадки с живыми растениями, листья которых блестели, будто их только что протерли лимонным соком. На стенах висели авторские фотографии леса — туманные сосны, иней на чернике, солнце сквозь мох. Видно было, что над «упаковкой» этого места работал профи.

— Капец, — выдохнула Маша, таща свой неизменный розовый чемодан, который на фоне скандинавского минимализма смотрелся как яркое инопланетное вторжение. — Я надеюсь, у меня в номере будет так же красиво, как здесь в коридоре. Если нет, я буду жаловаться в ООН по правам эстетов.

— Маша, у тебя там будет всё, что нужно для счастья, включая тишину, — подбодрила я её. Сейчас у Маши всё было хорошо. Никаких потопов, никакой капающей воды с потолка — коридоры сияли чистотой, а горничные, судя по запаху свежести, явно постарались на совесть.

Я открыла дверь своего восьмого номера и замерла на пороге. Капец, как же здесь было светло! Панорамное окно выходило на пруд, и солнце, которое после урагана решило жарить на полную мощь, заливало комнату чистым золотом. Я подошла к окну, чувствуя, как тепло пробивается сквозь стекло. Медный всадник посреди водоема продолжал свой странный ритуал: фонтанчик под его копытами икал и дергался, выбрасывая воду прерывистыми порциями, словно у него была плохая связь с сервером. Петр I выглядел так, будто пытался что-то сказать нам, но забыл все слова от возмущения увиденным утром хаосом.

Номер пах лесом и свежевыглаженным бельем. Кровать — огромная, монументальная, с тяжелым покрывалом цвета морской волны — манила меня так сильно, что я на секунду зажмурилась, представляя, как проваливаюсь в этот ортопедический рай. Но спать нельзя. Продюсер внутри меня уже проснулся и строил планы на вечерний обход. Нельзя показывать команде слабость, когда у нас лимузин забит шоперами, а сцена еще не готова.

Я подошла к зеркалу в прихожей и сняла очки. Лицо в зеркале выглядело... опытным. 20 лет в продажах, маркетинге и антикризисных решениях не проходят бесследно. Они отпечатываются во взгляде, в этой едва заметной складке на лбу, в способности видеть суть вещей даже сквозь пелену дикого недосыпа.

— Дурная ты у меня, Лиза, — прошептала я своему отражению, используя то имя, которым называла себя только в самые острые моменты. — Но какая же ты крутая, что всё-таки приехала.

Наступил момент великого преображения. Я стянула с себя толстовку и джинсы, которые за время перелета стали казаться мне чугунной броней, сковывающей движения. Из чемодана, бережно упакованное в чехол, появилось моё бирюзовое платье. Этот цвет всегда действовал на меня как инъекция чистого адреналина. Когда я надела его, комната как будто стала еще ярче, а солнечный свет вступил в резонанс с тканью. Платье летело, подчеркивая каждый мой сантиметр из ста семидесяти двух, и я почувствовала, как усталость начинает медленно отступать, уступая место рабочему азарту.

Но настоящая магия случилась, когда я достала босоножки Rieker. Я сняла походные туфли, в которых ноги уже начали просто гудеть и превращаться в два неповоротливых бревна, и с наслаждением вставила ступни в мягкие, пружинящие объятия босоножек. Боже, спасибо тому гению, который придумал эту подошву! Спина мгновенно выпрямилась, поясница перестала ныть, и я почувствовала себя не просто уставшим продюсером, а королевой этой усадьбы, вышедшей на генеральный осмотр своих владений.

В коридоре послышались голоса. Я вышла из номера, сияя своим бирюзовым величием, и столкнулась с Мишаней. Он как раз шел в свой номер в конце коридора, нагруженный какими-то папками. Увидев меня, он замер, и его усталое лицо на мгновение озарилось искренней улыбкой.

— Марина... — он покачал головой, разглядывая мой образ. — Ты сейчас выглядишь как человек, который не только продаст услуги Pornhub любому консервативному заводу, но и заставит их поверить, что это было их лучшим стратегическим решением за последние полвека. Цвет — просто пздц какой сочный. Ты как будто сама это солнце сейчас генерируешь.

— Это мой боевой раскрас, Мишаня, — я поправила очки, чувствуя, как уверенность возвращается в каждую клетку тела. — Как наши ребята? Расселились?

— Дима оккупировал зеркало в своем номере и, кажется, проводит там прямой эфир для самого себя, репетируя приветственную речь, — усмехнулся Мишаня. — Саша нашел точку на балконе, где ловит три деления сети, и теперь яростно строчит в ВК, создавая интригу вокруг нашего приезда. А Ирина... Ирина в своем неизменном беретике уже стоит у окна в холле и гипнотизирует каркас сцены на улице, словно пытается силой мысли заставить рабочих шевелиться быстрее.

Я прошла по коридору, чувствуя, как босоножки Rieker мягко и абсолютно бесшумно пружинят по ковровину. Это было удивительное ощущение — я шла, а тело отдыхало. Из номера Эмиля доносилось мерное, монотонное бормотание — наш гений юридической мысли уже вгрызся в «Инструкцию по эксплуатации кондиционера», выискивая там скрытые смыслы и возможные нарушения прав потребителей. Паша в соседнем номере, кажется, уже пересчитывал количество плечиков в шкафу и измерял температуру воды в кране, чтобы к вечеру вывести среднюю статистику гостеприимства и составить график эффективности работы котельной.

Я заглянула к Маше. Она уже успела разложить свои наряды по цветам и теперь сидела на кровати, буквально светясь от счастья.

— Марина, тут так тихо! — воскликнула она, увидев меня. — Никаких машин, никакой суеты. И кровать такая удобная, я на ней как на облаке. Я уже чувствую, как мой доклад про комьюнити и лояльность наполняется новыми смыслами. В такой атмосфере грех не выдать шедевр.

— Это хорошо, Маша. Наслаждайся тишиной, пока она не закончилась, — улыбнулась я. — Скоро здесь будет так шумно, что ты заскучаешь по этому моменту.

Спустившись в холл, я увидела, что Василий всё еще стоит за стойкой, но теперь он выглядел чуть более собранным, хотя всё еще вздрагивал от каждого хлопка двери. Он увидел меня в бирюзовом платье и этих босоножках, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на религиозное благоговение. Наверное, я сейчас диссонировала с его представлением об уставших гостях.

— Марина, вы... вам удобно в номере? Всё ли работает? — спросил он, почтительно вытянувшись в струнку.

— Василий, номер отличный, — я одарила его своей самой профессиональной, «продающей» улыбкой эксперта. — Матрас действительно спасает мир. Теперь осталось сделать так, чтобы и всё остальное — логистика, разгрузка и монтаж — было на этом же уровне. Вы найдете нам тележку, чтоб перевезти барахло из машины?

— Ищут, Марина, уже ищут! — заверил он, снова засуетившись.

Я вышла на крыльцо. Солнце уже окончательно доминировало над миром, высушивая остатки утренней влаги с гранитных ступеней. Запах сосен стал не просто сильным, он стал физически ощутимым, густым, как сироп. Я стояла на ступенях усадьбы, и мне казалось, что я вижу этот проект насквозь — со всеми его сорванными крышами, икающими фонтанами и сложными характерами спикеров.

Мы заселились. Мы заземлились. Мы сменили дорожный «ахтунг» на деловой стиль. Теперь я была готова к следующему этапу. Впереди был лимузин, который нужно было освободить от нашего сокровища, и тележка, которую Василий обещал найти во что бы то ни стало.

— Капец, как жарко стало, — сказала Антонина, выходя на крыльцо вслед за мной и щурясь от яркого света. — Марина, ты в этом платье просто спасаешь визуальный ряд этой базы. На тебя смотреть приятнее, чем на этот фонтан с Петром.

— Стараюсь, Тоня, стараюсь, — я поправила очки, глядя на ослепительно белый бок лимузина, стоявшего у ворот как огромный выброшенный на берег кит. — Ну что, друзья, пора поработать? Пока наше «белое сокровище» не растаяло под этим солнышком вместе со всеми подарками.

Заселение закончилось. Началась большая разгрузка. И я чувствовала, что в этих босоножках Rieker я смогу не просто простоять на этом крыльцо вечно, а сдвинуть горы, если это потребуется для успеха нашей конференции.

Солнце к часу дня решило, что утреннего урагана было недостаточно для закалки наших характеров, и включило режим «прожарка медиум». Воздух над парковкой «Медного всадника» дрожал и плавился, превращая наш одиннадцатиметровый белый лимузин в гигантское зеркало, на которое больно было смотреть даже через мои стекла-антиблик. Водитель, этот молчаливый харон нашего сегодняшнего путешествия, вышел из машины и скрестил руки на груди. В его взгляде читалось недвусмысленное: «Ребята, я, конечно, всё понимаю, статус, Кьянти и PornConf, но мне пора возвращаться в цивилизацию, пока этот лес не поглотил мой хром».

— Так, команда, — я вышла вперед, чувствуя, как босоножки мягко, почти ласково пружинят по горячему асфальту, спасая мою многострадальную поясницу от каждого лишнего сотрясения. — Хватит созерцать икающего Петра. У нас в чреве этого белого кита двести шоперов. Это наше лицо, наш мерч и наше спокойствие на завтрашнее утро. Если мы сейчас их не выгрузим, завтра вместо конференции мы будем проводить мастер-класс по коллективному поиску раздатки в лесу.

Мишаня стоял рядом, щурясь на яркий свет. Его глаза сейчас казались особенно глубокими от накопившейся усталости, но зрение его не подводило — он смотрел прямо на тот

самый голый каркас сцены, и я видела, как в его голове уже крутятся шестеренки антикризисного менеджмента.

— Марина, — он вздохнул, и это был вздох человека, который готов таскать камни, если это спасет проект. — Ты права. Разгружаемся. Дима, Саша, Паша — строимся в цепочку. Василий! Тащи свою чудо-технику!

Василий, который до этого момента пребывал в состоянии легкого анабиоза от вида моего бирюзового платья, встрепенулся и умчался за угол корпуса. Через минуту он вернулся, толкая перед собой тележку. Это было нечто. Четыре колеса, которые вращались каждое в свою сторону, и деревянные борта, которые дребезжали так, будто внутри них сидел взвод барабанщиков. Но в этой тележке, в смысле, в этой ситуации, это был наш единственный шанс на спасение.

— Трындец, — лаконично заметил Дима Фердман, поправляя свои божественные очки. — Я планировал, что мой вход в этот проект будет более... эстетичным. Но, видимо, судьба распорядилась иначе.

Дима первым залез в салон лимузина, где среди кожаных диванов и неоновой подсветки возвышались горы коробок. Представь: элитный салон, запах шампанского и... бесконечные пачки методичек и сумок. — Лови! — крикнул Дима, и первая партия шоперов полетела в руки Саше Михайлову.

Саша в своих очках выглядел максимально сосредоточенным. Он принимал сумки с такой четкостью, словно это были пакеты данных в защищенном канале. Передавал Паше, тот — Эмилю, а Эмиль уже укладывал их в тележку Василия.

— Эмиль, аккуратнее с углами! — кричал Мишаня, руководя процессом. — Там блоки питания, если мы их сейчас побьем, завтра будем на пальцах показывать, как adult-трафик конвертировать!

Я стояла у края тележки, координируя процесс. Двести шоперов это не просто цифра. Это объем. Это вес. Это двести тяжелых хлопковых сумок, в каждой из которых лежал увесистый блокнот, ручка, методичка Мишани на сто страниц и еще куча всякого мерча, который мы заботливо собирали последние недели.

— Капец, как их много, — выдохнула Маша, пытаясь помочь Ирине придержать борта тележки. — Марина, они что, там размножаются внутри?

— Они не размножаются, Маша, они концентрируются, — отозвалась я, вытирая пот со лба.

Жара становилась невыносимой. Бирюзовое платье липло к спине, но босоножки продолжали творить чудеса — я не чувствовала усталости в ногах, только этот азартный зуд в кончиках пальцев. Мы работали как слаженный механизм. Дима из недр лимузина выдавал порции, Саша работал как передаточное звено, Мишаня своими зоркими глазами следил за каждой коробкой, пресекая любые попытки Василия «помочь» так, чтобы всё развалилось.

В какой-то момент тележка Василия издала предсмертный хруст. — Стоять! — скомандовала я. — Василий, если она сейчас сложится, ты будешь возить эти сумки на себе до самого заката.

Василий побледнел, схватился за ручку и с каким-то героическим усилием удержал конструкцию. Мы догрузили последние пятьдесят штук. Лимузин внутри вдруг стал казаться огромным и пустым, как выпотрошенный кит. Последняя коробка заняла свое место на вершине нашей пирамиды из шоперов.

Водитель лимузина, не сказав ни слова, кивнул нам, сел за руль и завел двигатель. Глухое рычание мотора на мгновение перекрыло шум сосен. Одиннадцатиметровое белое тело машины медленно, с достоинством развернулось на тесном пятнышке парковки, едва не зацепив крылом поваленную ураганом березу, и плавно покатило к выезду.

Мы все выстроились на крыльце и провожали его взглядом. Белый бок машины мелькал между стволами сосен, пока окончательно не скрылся за поворотом, ведущим к трассе. И в ту же секунду на нас обрушилась тишина.

Это была не просто тишина. Это был вакуум. Звук уезжающего лимузина был нашей последней связью с тем миром, где есть кондиционеры, логика, исправные сцены и понятные правила игры. Как только пыль от его колес осела на хвою, мы физически почувствовали, как невидимая пуповина, связывавшая нас с цивилизацией, оборвалась с коротким и болезненным щелчком.

Я посмотрела на ребят. Дима снял свои божественные очки и начал протирать их краем футболки, и в этом жесте было столько потерянности, сколько не бывает даже у новичка на первом эфире. Саша вертел в руках телефон, на экране которого упрямо светилося «Нет сети». Мишаня стоял, засунув руки в карманы, и его взгляд был прикован к «икающему» Петру Первому в пруду.

— Ну что, друзья, — мой голос в этой тишине прозвучал неожиданно громко. — Вот мы и остались. Один на один с этим голым скелетом сцены, с Василием, который смотрит на нас как на спасителей, и с лесом, который, кажется, что-то знает о нашем будущем, чего не знаем мы.

Мы стояли посреди этой усадьбы, окруженные двухсотлетним сосновым бором, который выжил в урагане и теперь молчаливо наблюдал за нашей суетой. В трех километрах были дачи, где люди пили чай и не подозревали, что здесь, в «Медном всаднике», сейчас решается судьба самого громкого digital-события года.

Я кожей чувствовала это грядущее и неминуемое. Это не был страх, нет. Это был тот самый «трындец», который наступает перед большим прорывом. Когда мосты сожжены, лимузины уехали, а завтра к десяти утра сюда нагрянут сто восемьдесят участников, которые заплатили немалые деньги за то, чтобы мы научили их работать со сложным трафиком. А у нас — сорванная крыша, Василий с дребезжащей тележкой и полная изоляция.

— Марина, — тихо сказал Мишаня, не отрывая взгляда от горизонта. — Ты чувствуешь?

— Чувствую, Мишань. Мы в ловушке собственного амбициозного проекта. И это пздц как круто.

Он наконец посмотрел на меня своим ясным, пронзительным взглядом.

— Я полгода не спал не для того, чтобы нас испугала сосновая тишина. Пошли заносить сумки.

Василий натужно толкнул тележку, и она, взвизгнув всеми четырьмя колесами, покати-лась к дверям конференц-зала. Мы двинулись следом, и я видела, как расправляются плечи у Саши, как Дима снова надевает свои божественные очки, как Эмиль начинает что-то диктовать в диктофон про ответственность администрации.

Мы остались одни. Мы, наш драйв, наше Кьянти и эта грядущая неизбежность завтрашнего дня, которая уже дышала нам в затылок прохладным лесным ветром. Впереди была борьба за каждый метр декораций, за каждый звук и за каждую улыбку участника..

— Дурная ты у меня, Лиза, — повторила я, глядя на то, как солнце играет на медной голове Петра. — Но зато скучно точно не будет.

Мы вошли в корпус, и тяжелая дубовая дверь закрылась за нами, окончательно отрезая путь назад. Конференция PornConf 2026 официально перешла в стадию «выживание и триумф». И я знала, что мы выберем второе, даже если нам придется построить новую крышу из наших собственных амбиций.

— Трындец подкрался незаметно, — донеслось из коридора голосом Димы. — Но в этом освещении я всё равно выгляжу неплохо.

Я улыбнулась. Если Дима заботится о стиле, значит, мы еще повоюем. Грядущее было неминуемым, но оно еще не знало, с кем связалось.

Глава 4. Профессиональные деформации в «Емеле», или Почему обсуждение программы под вино кажется гениальным планом ровно до момента исчезновения Стаса.

К часу дня «Медный всадник» окончательно превратился в раскаленную духовку. Питерское солнце, словно решив поиздеваться над нами после вчерашнего шторма, жарило так, что воздух над дорожками колыхался густым, жирным маревом. Сосны стояли неподвижно, тяжелые и сонные, а Петр в пруду продолжал свои ритмичные, судорожные икания фонтанчиком. Казалось, медному коню под ним уже невыносимо тошно в этой хвойной тишине.

— Всё, — я вытерла лоб тыльной стороной ладони, чувствуя, как под бирюзовым платьем кожа начинает просто плавиться. — Если мы сейчас не спрячемся в тени, завтра на открытии вместо экспертов по трафику участники увидят группу вяленых овощей. Где тут этот ваш хваленый ресторан? Василий, води в «Емелю», пока мы все в обморок не свалились.

Василий, который до этого момента пытался изображать бурную деятельность, семена впереди, указал на добротный сруб. Ресторан встретил нас не просто прохладой — это было похоже на резкий выдох после долгого нырка. Современное здание из светлого, идеально отшлифованного дерева, массивные балки под потолком и панорамные окна. Пахло здесь правильно: деревом, свежим хлебом и чесноком. Внутри было сумрачно и тихо.

Как только наш табор ввалился внутрь, на нас буквально вылетел парень. Молодой, в безупречно белой рубашке, с лицом человека, который только что выиграл в лотерею право нас накормить.

— Здравствуйте! Я Витюша! — выдохнул он с таким восторгом, будто мы были рок-звездами на мировом турне.

И тут Витюша замер. Его взгляд, до этого метавшийся по нашей пестрой толпе, намертво уперся в Машу. Всё, детонатор сработал. Парень остолбенел. Его глаза округлились, меню в руках задрожало, а в глазах зажглось такое чистое, нефiltroванное обожание, что Маша аж зажмурилась. Она по привычке попыталась спрятаться за плечо Ирины, но Витюшу было уже не остановить.

— Прошу... Прошу за самый лучший стол! У окна! Там... там сигнал ловит! — зачастил он, пятясь назад и едва не снося кадку с декоративной зеленью. — Проходите, тут кресла самые мягкие...

Мы расселись. Дима в своих метросексуальных очках занял место во главе стола, сразу создав атмосферу закрытого клуба. Мишаня рухнул на стул напротив меня. Он выглядел как человек, который готов убивать за нормальную еду, но пока согласен на ледяную воду.

— Капец, — он выложил телефон на скатерть. — Только тут два деления. Саша, у тебя как?

Саша уже тянул руку к самому потолку, замирая в нелепой позе.

— Одно деление, Миш. Если не дышать и не моргать, может, пост в ВК и пролезет. Но связь тут это дрянь какая-то. Она то есть, то её нет. Мы в цифровой блокаде, ребята.

Витюша тем временем начал свое шоу. Не успела Оля салфетку развернуть, как он уже материализовался рядом с приборами.

— Вам всё самое свежее! Самое лучшее! — бормотал он, не сводя глаз с Маши. Маша робко открыла меню, и Витюша тут же поставил перед ней бокал воды. Причем сделал это так бесшумно и быстро, что мы даже не заметили, откуда он его достал. Казалось, у него под фартуком спрятан целый склад ледяной посуды.

— Витюша, — я посмотрела на него через очки, — сервис — это, конечно, круто, но нам бы для начала чего-нибудь существенного. Давай пива. Холодного, живого, на всех. самого лучшего, что есть на краях.

Я подумала про свои четыре бутылки Кьянти, которые скучали в номере. Ладно, вино — это на вечер, для бассейна. Сейчас только ледяное пиво могло спасти этот день. Василий стоял у входа, не решаясь подойти ближе. «Вот же кукуня неприкаянная», — подумала я про него. Стоит, мнется, как будто мы его сейчас заставим меню наизусть учить.

Через пять минут на столе появились они. Легендарные сухарики. Это были не просто куски хлеба. Это были золотистые слитки бородинского, обжаренные так, что корочка хрустела с благородным звуком, а внутри они оставались мягкими. Чеснока там было столько, что аромат прошибал до слез, но это был правильный, наглый чеснок. Крупная морская соль и соусник с густой сметаной.

— Клаааасно, — выдохнула Антонина, первой вцепившись в тарелку. — За эти сухарики я прощаю Мишане даже то, что мы завтра будем выступать под открытым небом. Это же чистый дофамин в углеводной обертке.

Мы накинулись на еду с жадностью людей, которые осознали, что завтрашняя конфа потребует колоссальных калорий. Пиво в запотевших бокалах, покрытых мелким инеем, появилось следом. Первый глоток прошел как масштабная спасательная операция. Я откинулась на спинку массивного стула, чувствуя, как холодный напиток смывает дорожную пыль и раздражение.

— Так, — я обвела взглядом стол. — Давайте по делу. Стас где? Мы без звука завтра — это просто группа людей, красиво кричащих в лес.

— Стас на связи, — буркнул Миша, не отрываясь от своего борща. Он ел сосредоточенно, как будто проводил аудит каждой ложки. — Прислал «плюс». Пишет: «Еду. Звук будет пушка. К вечеру соберу всё».

Мишаня поморщился. Его зоркий взгляд был устремлен куда-то сквозь стену ресторана, туда, где за окном издевательски блестел голый стальной каркас сцены.

— Стас — это единственное, что меня сейчас не бесит. Но вы видели этот скелет? Ирина, ты чего весь обед молчишь? Что ты там высмотрела, пока мы сумки таскали? Я же вижу, у тебя в голове уже новый план созрел, и он мне заранее не нравится.

Ирина аккуратно отложила ложку. Она была спокойна, но это было спокойствие хирурга перед сложной операцией.

— Миш, я не просто смотрела. Я считала траекторию движения солнца относительно нашей сцены. Если завтра начнем в десять, то к полудню спикеры на сцене ослепнут к чертовой матери. А участники? Те вообще превратятся в гриль под этим солнцем. Тени нет вообще, потому что нет крыши. Нам нужно передвинуть баннер. Сдвинуть его к соснам, развернуть под углом...

— Ирина, даже не начинай, — перебил её Мишаня. Голос у него стал сухим, жестким и окончательным. — Я знаю, что ты хочешь предложить. Двигать баннер мы не будем. Точка. Это восемь метров парусности, Ирина. Восемь метров! Ты видела, что ураган с тентом сделал? Его просто слизало за секунды. Хочешь, чтобы наш восьмиметровый баннер улетел в те самые дачи в трех километрах отсюда и прибил там какого-нибудь садовода? Я как организатор запрещаю любое движение конструкций. Мы работаем с тем, что есть.

Спор только начал разгораться, воздух в «Емеле» внезапно стал гуще от невысказанных аргументов, но тут возник Витюша с новой порцией приборов. Поставил тарелку перед Машей и замер, затаив дыхание.

— Машенька, вам сметанку отдельно принести или сразу в борщик с душой положить? — выдохнул он с такой нежностью, что Паша поперхнулся пивом, а Дима тихо заржал в свой бокал.

— Витюша, в тарелку клади, душу оставь на ужин, — я махнула рукой, спасая Машу от окончательного смущения. — Нам еще работать сегодня, не надо нам тут душевных переворотов.

Витюша не унимался. Стоило Саше положить ложку на край тарелки, как она тут же исчезала, а на её месте появлялась новая, еще более блестящая. Казалось, он задался целью перемыть все вилки в усадьбе специально для нас.

— Профессиональная деформация, — хмыкнул Эмиль. — У Витюши сервис до абсурда, у нас трафик до безумия. Марина, а ты уверена, что твой воркшоп про звонки не потеряется после Иринино? Люди же будут в экстазе от дофамина и всей ее магии. Им будет не до скриптов.

— Эмиль, — я сделала глоток холодного пива. — После Ириночки им как раз и нужно будет понять, как этот дофамин в кассу положить. Звонок — это финал всей воронки. Если на финале сидит менеджер, который боится рта раскрыть, то грош цена всем вашим охватам. Продажи это тебе не кнопки в рекламном кабинете нажимать. Это чистая психология. Мой воркшоп — это то, что свяжет их мечты о легком трафике с реальностью их дырявого бизнеса. Без этого это просто дофамин, а не маркетинг.

Стол загудел. Обсуждение программы под легкий хмель и шикарную еду — это всегда кажется самым гениальным планом. Мы набрасывали идеи, спорили, как Саша будет завлекать людей в свои ВК-кейсы, и как Дима будет доказывать, что чат-боты — это новые хозяева мира. Витюша кружил вокруг, меняя вилки, подливая воду из ледяного графина и периодически замирая за плечом Маши, как преданный телохранитель.

— О, ловит! — вдруг вскрикнула Антонина, указывая на телефон. — Три деления! Срочно! Все пишите пока есть связь!

Половина стола тут же подскочила. Дима, Саша и Паша, как по команде, вытянули телефоны к самому потолку ресторана. Это выглядело дико: успешные эксперты, лидеры рынка, стоят в позе молящихся на Wi-Fi богов посреди бревенчатого интерьера.

— Капец, — прошептала я. — Посмотри на них. Где их пафос? Всё разбилось о необходимость отправить сообщение в Телеграм.

— Мы в лесу, Марина, — Мишаня спокойно доедал свой борщ, игнорируя общую панику. Он был единственным, кто не вскочил с места. — И завтра мы либо взлетим так, что нас из космоса будет видно, либо Витюша нас тут всех усыновит и заставит до конца жизни сухарики чесноком натирать.

К трем часам дня мы плавно перешли к десертам. В ресторане было прохладно, вкусно и обманчиво спокойно. Стас присылал в чат ободряющие «плюсики», подтверждая, что звук уже на подъезде к его даче, которая располагалась в трех километрах от нашей базы. Мы чувствовали себя хозяевами положения. Лимузин уехал, оставив за собой шлейф успеха, а впереди была баня, бассейн под открытым небом и обсуждение завтрашнего триумфа.

Я смотрела на ребят — на Диму, который даже с крошками на губах выглядел как божество, на Сашу, который всё-таки победил связь и отправил пост в ВК, на сосредоточенного Мишаню, и понимала: этот длинный обед — наша точка сборки. Наше затишье перед настоящим штормом. Мы сидели, смеялись, строили планы и совершенно не подозревали, что через несколько часов наш хрупкий мир «Медного всадника» снова решит испытать нас на прочность.

— Ну что, друзья, — я подняла бокал. — За «Медный всадник», за икающего Петра и за то, чтобы завтра у нас хватило сил на всё это безумие. Пьем, закругляемся с обедом и идем в баню! Нам нужно смыть этот дорожный ахтунг и настроиться на серьезный лад.

Мы выходили из «Емели» около шести вечера, шурясь от яркого света. Солнце всё еще жарило, заливая базу золотом, но мы уже были под защитой хорошей еды и легкого хмеля. Впереди была баня и шезлонги. Мы еще не знали, что скоро Стас пропадет с радаров, а Василий окажется запертым в кабинете. Мы просто шли к бассейну, и я чувствовала, что этот вечер будет долгим.

После «Емели» мир вокруг стал чуть более переносимым, хотя жара всё еще висела над усадьбой тяжелым пыльным пологом. Пиво сделало свое дело: профессиональная ярость слегка приутихла, сменившись философским созерцанием грядущей катастрофы. Мы выползли из прохладного сруба на свет божий, шурясь и прикрываясь ладонями.

— Так, — я обвела взглядом наш притихший табор. — План такой: разбегаемся по номерам, скидываем одежду и через пятнадцать минут встречаемся у бассейна. Нам нужно смыть этот день в бане, пока он окончательно не присох к нам вместе с сосновой смолой.

Мишаня молча кивнул. Он выглядел как человек, который только что отстоял двенадцать раундов против тяжеловеса и теперь пытается вспомнить, где его раздевалка. Его ясный взор был устремлен куда-то за верхушки сосен — он явно уже мысленно раскладывал завтрашний тайминг, в котором «отсутствие крыши» занимало почетное первое место.

Я поднялась к себе. Второй этаж встретил меня тишиной и запахом прогретого дерева. В номере было душно, но вид из окна на икающего Петра Первого в пруду действовал успокаивающе. Я скинула бирюзовое платье, которое за обед успело стать моей второй кожей, и на мгновение замерла перед зеркалом. Поясница, мой верный внутренний цензор, снова айкнула: предупредительный выстрел перед вечерним марафоном.

— Прорвемся! — прошептала я своему отражению, натягивая купальник и набрасывая сверху простынь. — Ты же вписалась вместе со всеми? Да. Но зато как эпично мы будем тонуть, если что.

Выйдя из корпуса, я увидела Василия. Он стоял у фонтанчика, с тоской глядя на воду. «Вот же неприкаемый», — подумала я. Стоит, ждет, пока небо упадет на землю, вместо того чтобы хотя бы ветки из пруда выловить. Василий заметил меня, дернулся было поздороваться, но я только махнула рукой. Разговоры с администрацией сейчас были выше моих сил.

Дорожка к бане петляла между вековыми соснами. Здесь, в тени, было чуть легче. Воздух стал густым, хвойным, почти одурманивающим. Наш банный комплекс из кедрового сруба стоял на самом краю базы, отгораживая нас от внешнего мира мощной деревянной стеной. Перед ним раскинулась терраса, в центре которой парил бассейн. Вода в нем была такой пронзительной синевы, что казалось, в неё вылили ведро чернил.

Первым у бассейна материализовался Дима. Он уже успел войти в образ «отдыхающего патриция»: в стильных плавках, с полотенцем, переброшенным через плечо, он выглядел настолько безупречно, что даже сосны вокруг, казалось, выпрямились по струнке. Его метросексуальные очки отражали заходящее солнце, добавляя облику какой-то неземной статусности.

— Марина, — он вальяжно опустился в шезлонг. — Я тут подумал. Если завтра всё пойдет прахом, мы можем просто объявить, что «отсутствие крыши» — это глубокая метафора прозрачности и открытости нашего бизнеса. Мол, нам нечего скрывать от неба.

— Дима, ты гений маркетинговых эвфемизмов, — я опустилась в соседнее кресло, чувствуя, как босоножки наконец-то летят в сторону. — Но боюсь, участники захотят чуть меньше метафор и чуть больше тени.

Следом подтянулись Саша и Паша. Саша, не расставаясь со своими очками, сразу направился к перилам террасы, высоко поднимая телефон. — Ребята, тут на перилах ловит! — радостно возвестил он. — Целых два деления! Могу даже сторис загрузить.

— Саша, брось ты этот ВК, — проворчал Паша, усаживаясь в тени зонта. — Дай мозгам остыть. Мы сейчас в режиме энергосбережения.

Ирина и Антонина вышли из бани, обернутые в огромные белые полотенца. В воздухе тут же запахло эвкалиптом и чем-то банным. Ирина выглядела решительно — даже без своего беретика она умудрялась сохранять вид человека, готового к штурму любой крепости. Она присела на край бассейна и посмотрела на меня.

— Марина, я всё равно считаю, что Мишаня не прав по поводу баннера. Это же профессиональная деформация — держаться за старые схемы, когда ситуация изменилась. Мы же эксперты. Мы должны адаптироваться.

— Ира, — я закрыла глаза, подставляя лицо мягкому вечернему свету. — Давайте сейчас побудем просто людьми. Мы полгода строили этот проект. Мы выгрызли его у рынка. Сейчас — время паузы. Опора и действие придут завтра в десять утра. А сейчас — только опора. На шезлонг и на это пиво, которое Паша так предусмотрительно прихватил из ресторана.

Мишаня подошел последним. Он скинул футболку и, не раздумывая, нырнул в бассейн. Брызги разлетелись во все стороны, и на мгновение на террасе стало очень тихо. Он вынырнул, тряхнул головой и оперся локтями о бортик. Его глаза, ясные и зоркие, смотрели на нас теперь без той ярости, что была в «Емеле».

— Хорошо, — коротко бросил он. — Стас отписался. Он уже на своей даче. Пишет, что оборудование проверил, кабели перепакował. Ждет отмашки на заезд.

Мы все как-то разом выдохнули. Стас был нашей последней надеждой на профессиональное спасение. Если будет звук — будет конфа. А крыша... Ну, в конце концов, мы и не в таких переделках бывали.

— Вот видите, — я подняла бокал с остатками холодного пива. — Жизнь налаживается. Стас рядом, бассейн теплый, Кьянти в номере ждет своего часа. Мы — команда. И это главное.

Солнце медленно сползало за горизонт, окрашивая небо в невероятные оттенки розового и фиолетового. Лес вокруг базы начал наполняться длинными, тревожными тенями. Это было то самое обманчивое спокойствие, которое бывает перед грозой, но мы упорно не хотели этого замечать. Мы обсуждали рынок, трафик, нетворкинг, смеялись над Витюшей и его маниакальной страстью к чистым вилкам.

— А Витюша-то наш — романтик, — Маша улыбнулась, глядя на воду. — Он мне так борщ подавал, будто это было предложение руки и сердца.

— Маша, берегись, — хмыкнул Дима. — Он завтра тебе вместо вилки розу принесет.

Мы сидели большой компанией, и в этом было столько настоящей, человеческой опоры. Мы понимали друг друга с полуслова. Продюсерский подход — это ведь не только про таблицы и графики, это про способность вовремя замолчать и просто побыть рядом.

Воздух стал прохладнее, запах хвои усилился, став почти осязаемым. Мы перешли в парилку, где поддавали жару так, что уши сворачивались в трубочку, а потом с криками выбегали и ныряли в бассейн под первыми звездами. Это было какое-то первобытное очищение. Мы смывали с себя всё: пыль Новосибирска, суету Питера, страх перед сорванной крышей и раздражение друг на друга.

— Знаете, — Мишаня стоял у перил, глядя в сторону дач, где жил Стас. — Я сейчас понял. Самое страшное — это когда ты один. А когда нас десять... Ну, пусть попробует нас этот лес сожрать.

И клацнул зубами. Я смотрела на него и понимала — он прав. Мы были сплоченным, злым и очень профессиональным механизмом. Мы забыли слово «бардак», мы строили структуру даже в этом банном тумане.

Около половины восьмого мы начали собираться обратно. Тело стало легким, голова — пустой и звонкой. Мы шли по лесной дорожке обратно к административному корпусу, и в этом было какое-то торжественное спокойствие. Сумерки белой ночи уже плотно облепили усадьбу, и окна «Емели» светились теплым, манящим светом.

— Пойдемте переодеваться и на ужин, — сказала я, чувствуя, как внутри просыпается здоровый аппетит. — Нам нужно подкрепиться перед тем, как завтра перевернуть этот мир.

Мы разошлись по номерам. Я снова надела свое бирюзовое платье — теперь оно казалось мне парадным мундиром. В зеркале я увидела женщину, которая готова ко всему. Глаза блестели, спина, на удивление, молчала.

— Ну что, дорогая, — подмигнула я себе. — Пошли кушать.

В восемь вечера мы должны были встретиться в ресторане. Мы шли навстречу ужину, не подозревая, что это последние минуты нашего относительного спокойствия. Синие сумерки Ленинградской области уже спрятали Стаса, а Василий уже вовсю готовился совершить свой главный административный подвиг.

Трындец деликатно постучался в дверь «Емели», когда мы переступили порог. Но мы его пока не услышали — мы слышали только запах легендарных сухариков и предвкушали вечер в хорошей компании.

К десяти вечера ресторан «Емеля» окончательно превратился в некое подобие штаба заговорщиков, где вместо секретных карт на столах громоздились горы чесночных сухариков, а вместо планов наступления обсуждались способы не сдохнуть от скуки. Белые ночи в Питере — это, я вам скажу, чистой воды издевательство над человеческой психикой. На часах 9 вечера, а за окном такой свет, будто боги забыли выключить в лесу прожектор и ушли на перерыв. Всё вокруг — сосны, икающий Петр в пруду, даже мусорные баки у админки — залито этим призрачным, перламутровым сиянием. В таком свете любая попытка серьезно поговорить о бизнесе выглядит так же нелепо, как балетная пачка на кабане.

— Так, господа присяжные заседатели, — я решительно прихлопнула ладонью листок с набросками, едва не прищемив Витюше пальцы.

Наш влюбленный официант как раз в этот момент пытался совершить очередной ритуальный обряд — подsunуть Маше трижды продезинфицированную вилку, завернутую в три слоя крахмальной салфетки. — Слушайте меня внимательно. Мы не на съезде технократов. Никаких «токенов», «нейросеток» и прочей мути, от которой у участников пойдет пена изо рта. Три темы: реклама, автоматизация, продажи. Всё. Остальное — в топку, к чертям, к икающему фонтану.

— Ну почему в топку? — Саша страдальчески поморщился, лениво ковыряя вилкой в салате. — Я хотел добавить блок про креативы в нейросетях. Это же сейчас самый сок, все хотят знать, как ИИ рисует людей с тремя руками.

— Саш, — я посмотрела на него так, как смотрю на поставщика, который обещает привезти натяжной потолок в понедельник, а привозит в следующей жизни. — Твои нейросети завтра превратятся в тыкву, если мы не объясним людям, как запустить банальную рекламу так, чтобы их не забанили в первую же секунду. Реклама, Саня. Жесткая, рабочая, грязная реклама. Продажи — это моё. Как научить человека не бояться брать деньги, когда он вообще не понимает, зачем он здесь. Нам нужно включить их в ясность, а не в матрицу.

— И продажи! Обязательно продажи! — Ира подпрыгнула на стуле, её беретик опасно накренился на левое ухо. — Продажи — это же чистый дофамин! Марина, я буду трещать про дофамин, а ты про то, как этот дофамин упаковать в договор и не дать ему испариться по дороге к кассе. Мы их просто завалим энергией! Они у нас из леса выйдут просветленными!

— Ира, если ты их завалишь энергией так же, как заваливаешь нас последние два часа, — меланхолично заметила Оля, не отрываясь от созерцания своего бокала, — они просто разбегутся по лесу и будут выть на эту вашу белую ночь. Лично я планирую говорить об автоматизации так, чтобы они поняли: если ты не нажал нужную кнопку сегодня, завтра конкурент нажмет кнопку «удалить тебя с рынка». Коротко, больно и без лишних восторгов.

— Оля — голос разума в этом дурдоме, — кивнула я. — Эмиль, ты чего молчишь? Изучаешь состав пива на предмет нарушения прав потребителей?

Эмиль валяжно откинулся на спинку резного стула, всем своим видом изображая уставшего от жизни патриция.

— Я думаю о том, что если наш нетворкинг превратится в базар, то по пункту пять-два нашего джентльменского соглашения я имею право удалиться в баню досрочно и не воз-

вращаться. Но если мы ограничимся рекламой и продажами — я, так и быть, посижу рядом. Автоматизация это скучно, как инструкция к пылесосу, но без неё у них не бизнес, а кустарное производство веников.

— Трындец, — я обвела их взглядом. — Мы тут программу конференции обсуждаем или выбираем, какой сорт профессионального нытья нам сегодня ближе? Миша, ты чего такой смурной?

Мишаня сидел, вцепившись в бокал с пивом, и смотрел на экран гаджета, который хранил гордое, издевательское молчание.

— Стас, — коротко бросил он. — Этот гений звука и повелитель кабелей не берет трубку уже час. Последнее, что я от него слышал по обрывкам связи это какое-то невнятное мычание про «соседа с невероятно душевным самогоном».

— Ну вот, — Антонина всплеснула руками, едва не задев Витюшу, который как раз нес Маше очередную «Лесную сказку» в виде десерта. — Приехали. Завтра сто восемьдесят человек, а у нас звук на даче в состоянии алкогольной нирваны. Мы будем доклады на пальцах объяснять?

— Он не в состоянии, он в процессе познания истины, — поправил Эмиль. — Это большая разница.

В этот момент Ира, которая, кажется, вообще не была знакома с концепцией покоя, снова подалась вперед, едва не сбив графин с водой.

— Ребята, бог с ним со Стасом, Мишаня его выловит, он сможет! Но вы посмотрите в окно! Вы посмотрите на этот позор! — Она ткнула пальцем в сторону площадки, где сиял в перламутровом свете стальной каркас. — Он же стоит так, что завтра спикеры будут как караси на сковородке! Солнце будет бить прямо в хари. Видео будет обнять и плакать, одни черные пятна вместо лиц. Нам нужно передвинуть эту конструкцию! Сдвинуть её к соснам!

Миша медленно поднял голову. В его глазах читалась такая холодная решимость, что Витюша в углу на всякий случай перестал дышать.

— Ира, я уже говорил пять раз. И скажу шестой. Нет.

— Ну почему «нет»?! — затрещала Ира, размахивая руками так активно, что Маша инстинктивно пригнулась. — Это же алюминиевая рама! Она легкая, как пушинка! Ну, пластик сверху натянут, ну, веревки по углам. Мы её просто поднимем — хоп! — и переставим на пять метров! И конфа будет в тени, а не на солнцепеке! Или ты всем панамки предусмотрительно захватил?

— «Хоп», — передразнил Мишаня. — Ира, это не садовый гном. Это восьмиметровая алюминиевая рама в пластиковой раме. Она на растяжках держится, которые вбиты в землю по самую рукоятку. Веревки по углам — это не для красоты, это чтобы её не сдуло к чертовой матери. Если мы сейчас начнем их дергать, эта «палатка» сложится и прихлопнет нас всех, как мух в банке. Я запрещаю. Это опасно.

— Ой, Миша, вечно ты перестраховываешься, как будто мы не на базе отдыха, а на испытательном полигоне, — Тоня закатила глаза. — Что там может случиться? Штиль абсолютный, даже сосна не шелохнется.

— Тоня, ураган был вчера, — отрезал Миша. — А сегодня алюминий на соплях. Никто. Ничего. Не. Трогает. Это мое последнее слово.

Я подмигнула Ире. Мы с ней уже всё поняли без слов — нам нужно было только одно: чтобы Мишаня покинул территорию «Емели». Нам нужен был этот дерзкий архитектурный маневр, а Миша был единственным препятствием на пути к идеальной картинке.

— Миш, — я сделала самый сочувственный, самый «продюсерский» голос, на который была способна. — Ты прав, конечно. Безопасность наше всё. Куда нам, немощным... Но Стас... Слушай, если он там реально в дрова, завтра звука не будет. Вообще. Ты же понимаешь, что никто, кроме тебя, этого маэстро из дачного плена не вытащит? Ты его единственный авто-

ритет. Поезжай к нему, а? Полчаса туда, полчаса обратно. Разведай, привели, а?. Мы тут без звука будем как без рук.

Миша посмотрел на телефон, потом на наши «честные» лица. Сомнение боролось в нем с чувством долга.

— Я не могу вас тут одних оставить. Вы же точно полезете к этой раме. Я вас как облупленных знаю.

— Мы?! — я изобразила такую степень возмущения, что сама себе почти поверила. — Миша, посмотри на Сашу. Он боится сломать ноготь о телефон. Посмотри на Олю — она вообще считает, что физический труд — это проклятие, которое должно обходить экспертов стороной. Мы просто доедим, обсудим рекламу и пойдем спать. Честное слово. Мы же взрослые люди!

— Да, Миш, иди, — поддакнул Дима, поправляя воротник с таким видом, будто он уже собрался на вечерний променад. — Стас это критическая точка. Если не будет звука, то какая разница, в тени мы или на солнце? Нас просто никто не услышит. Езжай, спасай конфу.

Саша Михайлов поднял руку, как на школьном совете.

— Я официально заявляю: я не прикоснусь к этой палатке. У меня низкий уровень железа в крови и полная апатия к физическим упражнениям. Я пойду в номер и буду страдать в одиночестве.

Миша тяжело вздохнул. Он явно не верил нам ни на грош, но Стас действительно был проблемой планетарного масштаба.

— Ладно. Я пойду. Но если я вернусь и увижу, что каркас сдвинулся хотя бы на миллиметр, заставлю вас проводить нетворкинг, стоя по пояс в пруду рядом с этим икающим конем. Понятно?

— Понятно, Мишенька, иди с Богом, — закивала Ира, едва сдерживая победный крик.

Миша встал, бросил на нас последний подозрительный взгляд, в котором читалось «я вас всех ненавижу», и направился к выходу, а мы уже сидели с лицами заговорщиков, у которых получилось украсть ядерный чемоданчик.

— Так, — я облокотилась на стол, обводя взглядом остатки «команды мечты». — Дима, Эмиль, Ира, Маша — допиваем пиво и на выход. Нам нужно передвинуть этот пластиковый шатер, пока Миша не вернулся с пьяным Стасом. Саня, Оля, Тоня — вы как? Поможете?

Саша демонстративно отодвинул тарелку и вытер руки салфеткой с таким видом, будто он только что закончил операцию на открытом сердце.

— Я — в номер. Я серьезно. Марина, ты меня знаешь. Я и физическая активность — это параллельные прямые, которые не пересекаются даже в условиях апокалипсиса. Моё дело ВК, а не алюминий. Удачи вам в этом безумии.

— Я тоже пойду, — Оля зевнула, прикрыв рот ладошкой, и встала из-за стола. — Если Миша вернется и застанет вас всех под обломками этой рамы, мне нужен будет трезвый ум и чистые руки, чтобы вызвать МЧС и объяснить, почему десять взрослых людей решили поиграть в строителей ночью.

— Аналогично, — Тоня поднялась, поправляя юбку. — Марина, это чистая авантюра. Я сделаю вид, что вообще ничего не слышала и спала с девяти вечера. Но если вы её уроните, я первая скажу Мише, что была против. Счастливо оставаться!

Эти трое, наши «аристократы духа», не спеша направились к выходу, бросив нас один на один с совестью и алюминиевой рамой. «Вот же кукуни», — подумала я про Сашу и компанию. Никакого командного духа!

— Ну и ладно! — Ира уже вскочила и начала яростно собираться, сверкая глазами. — Мы сами справимся! Нас шестеро — это же целая бригада! Марина, Дима, Эмиль, Маша, Паша — погнали! Она же легкая, эта рама! Как большая палатка, только без дна!

— Трындец, — прошептала я, вставая из-за стола и чувствуя, как босоножки мягко пружинят по полу. — Главное, чтобы нас реально этим пластиком не пришибло в тишине белой ночи.

Витюша, увидев, что мы в полном составе покидаем ресторан, в отчаянии бросился к Маше с последней, самой чистой салфеткой.

— Машенька! А как же чай? У нас иван-чай, собранный вручную девственницами на закате, специально для укрепления нервной системы!

— В другой раз, Витюша! — крикнула я, увлекая Машу к выходу под локоть. — Завтра девственниц приводи, будем их рекламе учить, а сейчас у нас дела!

Мы вывалились на крыльцо. Белая ночь заливала «Медный всадник» своим призрачным, перламутровым светом. Миша ушел в глушь за Стасом, Оля, Тоня и Саша скрылись в дверях трехэтажного корпуса, а мы шестером стояли на пустой площадке и смотрели на сцену.

Она стояла посреди поляны — алюминиевая рама, обтянутая белым пластиком, привязанная веревками к колышкам, с баннером посередине. В этом мертвом свете она выглядела как огромный призрак, решивший заночевать в лесу.

— Ну что, — я поправила платье, провожая взглядом Мишаню, который с решимостью камикадзе скрылся в зарослях, направляясь к Стасу пешком. — У нас был ровно час тишины, прежде чем он вернется и осознает, что его грозное «не трогать» мы проигнорили. Погнали по норам, коллеги. Скидываем парадный прикид, надеваем то, в чем не стыдно падать на питерскую землю. Встречаемся у нашего алюминиевого монстра. Ира, ты сегодня верховный главнокомандующий этого архитектурного безумия. Будем выбивать тень у мироздания, раз уж оно нам крышу зажало. Или вы реально хотите, чтобы участники завтра думали, что мы им панамки в шоперы не доложили по злему умыслу?

И мы уверенными шагами двинулись в сторону трехэтажного здания, готовые совершить подвиг в питерской белой ночи.

Главы 6, 7 и 8. О том, как бирюзовое платьюшко и изящные очки проигрывают в схватке с восьмиметровым баннером, и о первом серьезном предупреждении от моей спины.

Одиссея Мишани: три километра по лесу за Стасом, навигатор-предатель и сумерки, в которых каждый куст кажется привидением.

Антонина, Оля и виски на блюдах: гуманитарная помощь запертому персоналу и дипломатические переговоры через закрытую дверь.

Василий подпирал ресепшн с таким видом, будто он — последний выживший свидетель падения Римской империи, которому до смерти скучно. Завидев наше приближение, он встрепнулся. Ему явно требовалось хоть какое-то человеческое движение, чтобы окончательно не превратиться в элемент интерьера. Мы были единственными гостями на всей базе, и Василий, кажется, готов был водить нас за руку даже в туалет, лишь бы не оставаться наедине с тишиной и икающим Петром в пруду.

— Ну что, господа эксперты, нагулялись? — бодро спросил он, отрываясь от стойки. — Пойдемте, провожу вас, чтоб не заблудились!

Мы поплелись за ним на второй этаж. Василий шагал впереди, вещая что-то о пользе лесного воздуха и о том, что сон под сенью сосен заменяет неделю в санатории. Я шла и думала о том, что в этом странном питерском свете даже его спина кажется какой-то нереальной, словно нарисованной акварелью. Мы остановились у Машиного номера. Василий, решив проявить максимум гостеприимства, придержал дверь, чтобы Маша вошла первой. Она сделала шаг, на мгновение задержалась в проеме, и тут база «Медный всадник» решила перейти от теории гостеприимства к водным процедурам.

Сначала раздался звук — тихий, почти деликатный «чпок». А через секунду прямо из новенького точечного светильника в прихожей ударил фонтан. Это был не жалкий подтек, это была полноценная, наглая струя воды с отличным напором. Она с хирургической точностью рикошетила от Машиного плеча, заливая её обувь и превращая пол в филиал Финского залива прямо на наших глазах.

Мы стояли как вкопанные, глядя на это безобразие. Маша напоминала античную статую, попавшую под гидрант.

— Мать моя... — выдохнула она, когд ледяная вода добралась до кроссовок. — Василий, это что, приветственный душ? Или мы так отмечаем открытие конференции?

Василий на глазах превращался в перепуганного тушканчика. Он начал мелко креститься, почему-то попадая себе кулаком в плечо.

— Это... это гидроудар! — заверещал он так, будто его самого только что ударило током. — Давление скакнуло после урагана! Господи, Машенька, отходите, у вас же там техника!

— Вася, забудь про технику, она уже в зоне риска! — рявкнул Паша, который первым вышел из оцепенения. — Ты где воду перекрываешь? Где главный кран, Вася?! У тебя сейчас весь этаж уплывет к чертовой матери, и мы будем проводить конфу на плотях!

— У памятника! — выкрикнул Василий, начиная пятиться к лестнице. — Там люк, прямо постамента Медного всадника, под камушком спрятан! Главный вентиль там! Я сейчас... я сам! Я мигом! Ключ не нужен, там вентиль такой, от руки пойдет!

— Под камушком?! — я посмотрела на него с нескрываемым восхищением. — У вас тут база отдыха или штаб-квартира партизанского отряда? Беги уже, Вася, пока мы тут рыбу не начали разводить прямо в чемоданах!

Василий сорвался с места так, будто за ним гнался лично Петр на бронзовом коне. Его шаги гулко прогремели по коридору и стихли. А мы, подстегиваемые звуком нарастающего потопа, бросились спасать Машины пожитки. Это было эпичное зрелище, достойное кисти Айвазовского. Дима с брезгливостью потомственного лорда, случайно попавшего на субботник, подхватывал мокрые пакеты. Эмиль тащил чемодан, стараясь не забрызгивая свои и Димины штаны. Ира при этом успокаивала Машу:

— Машенька, не расстраивайся! Вода в номере это к огромным охватам! Это символ очищения от старых смыслов! Смотри, как эпично твоё платье впитывает гидроудар! Напишем: «Даже стихия не остановит продюсера!»

— Маша сексолог, Ира, я тебя саму в этот «прогрев» окуну головой, возьми косметичку и тащи ко мне, — пропыхтела я, перетаскивая остатки Машиного гардероба в свой Мы расквартировали Машу у меня. Мой номер мгновенно приобрел вид цыганского табора после глобального потепления: повсюду висели мокрые платья, на спинках стульев сушились полотенца, а в углу образовалась гордая, независимая лужа.

Вся наша компания ввалилась следом, оккупировав все свободные и условно сухие поверхности. Мы усердно вытирались полотенцами, то и дело прыскаая от смеха: вид Маши под персональным водопадом окончательно вышиб из нас остатки напускной серьезности. Сама Маша, героически спасшая свой ноутбук, возлежала на кровати, прижимая к груди косметичку. Это сокровище, к счастью, тоже не пострадало. По большому счету, трагедия оказалась мелкой: всего-то гора мокрой одежды и хлюпающие кроссовки. До утра всё это благополучно высохнет, и жизнь снова станет прекрасной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.